

Монтеніо ДЖЕЙМС

www.montenegro.com

Джа — дивна италијанска
српска историја. Дивна
и српска историја «Дивна историја
Джа» — от дивна српска
и српска историја дивна дивна.

ПЛАЧУЩИИ КОЛОДЕЦ

Annotation

Англичанин Деннистоун из Кембриджа заезжает в небольшой городишко недалеко от Тулузы дабы посетить церковь Св. Бертрана. Церковный служитель, узнав что гость интересуется редкими изданиями, предлагает взглянуть на кое-какие книги в его доме...

- [М. Р. Джеймс](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Сен-Бертран-де-Комменж — затерянное селение у отрогов Пиренейских гор неподалеку от Тулузы и совсем рядом с Бенюар-де-Люшон. До Революции здесь располагалось епископство, а местный собор привлекает некоторое число туристов. Весной 1883 года в это Богом забытое местечко — язык не поворачивается назвать городом место, где не наберется и тысячи жителей — прибыл англичанин. Выходец из Кембриджа, он приехал с намерением осмотреть Церковь Святого Бертрана и оставил в тулузской гостинице двоих не столь увлеченных археологией друзей, взяв с них обещание догнать его следующим утром. Им было бы достаточно получаса в церкви, после чего все трое собирались продолжить путешествие и отбыть в направлении Оша. Но наш англичанин явился ранним утром, задавшись целью исписать блокнот и истратить несколько дюжин фотопластинок, лишь бы описать и запечатлеть каждый уголок чудесной церкви, возвышавшейся на маленьком холме Комменж. Чтобы сполна воплотить задуманное, требовалось на целый день завладеть вниманием дьячка. Грубоватая хозяйка гостиницы «Красная шапочка» послала за дьячком, или ризничим (это слово мне нравится больше, каким бы неточным оно ни было) немедля, и как только тот явился, англичанин понял, что набрел на новый занимательный объект изучения. И интерес вызвала вовсе не внешность крохотного, сухого, убеленного сединами старичка — во Франции десятки и сотни таких смотрителей церквей, — но его скрытность, сверх того — загнанность и подавленность. Старик непрестанно оглядывался, а мышцы его спины и плеч едва не сводило судорогой от постоянного напряжения, точно каждую минуту он ожидал, что окажется в когтях врага. Англичанин гадал, кто перед ним. Несчастный одержимый? Мучимый нечистой совестью? Затюканный муж? Последнее, по здравом размышлении, было вероятнее всего. И все-таки гостя не покидало ощущение, что дело в преследователе куда как более грозном, чем мегера-жена.

Вскоре, однако, англичанин (назовем его Деннистаун) был слишком поглощен записями и съемкой, чтобы обращать внимание на ризничего. Старик неизменно крутился поблизости — то стоял, прислонясь спиной к стене, то горбился на одной из роскошных скамей. Некоторое время спустя Деннистаун занервничал. Смутные подозрения, что он не дает старику пообедать, что от него ждут бегства с посохом Святого Бертрана из слоновой кости или, на худой конец, с помещавшимся над входом пыльным чучелом крокодила, не на шутку взволновали его.

— Не пойти ли Вам домой? — промолвил он наконец. — Я здесь вполне справлюсь один, можете запереть меня, если пожелаете. Мне понадобятся еще по меньшей мере два часа, а Вы, верно, продрогли?

— Господь с Вами! — от такого предложения старичок пришел в безотчетный ужас. — Об этом и думать нечего. Оставить месье одного в этой церкви? Нет, нет. Два часа, три часа — мне все едино. Сердечно благодарю Вас, месье, но я позавтракал и совершенно не замерз.

«Что ж, дедушка, — сказал себе Деннистаун, — Вас предупредили, а там — дело Ваше».

Не прошло и двух часов, как скамьи, огромный ветхий орган, образ епископа Иоанна де Мольона, остатки витражей и гобеленов и содержимое сокровищницы были досконально исследованы. Ризничий все еще ходил за Деннистауном по пятам, то и дело подскакивая, как ужаленный, стоило ему услышать какой-нибудь странный звук из тех, что свойственны большим заброшенным зданием. Прелюбопытные порой выходили звуки.

— Однажды, — рассказывал мне Деннистаун, — могу поклясться, я слышал тонкий металлический смех высоко в колокольне. Я с любопытством взглянул на ризничего. Он

побелел, как лунь! «Он там...то есть...там никого нет, дверь на замке,» — вот все, что он сказал, и целую минуту мы не сводили друг с друга глаз.

Еще одно маленькое происшествие порядком озадачило Деннистауна. Помимо прочего он осматривал большое темное полотно за алтарем, одну из нескольких сцен деяний Святого Бертрана. Композиция была едва различима, внизу, однако, имелась подпись на латыни, гласившая:

«Qualiter S.Bertrandus liberavit hominem quem diabolus diu volebat strangulare»
(«Как Святой Бертран вызволил человека, коего Дьявол замыслил удушить»)

Деннистаун было повернулся к ризничему с улыбкой и шутливой ремаркой, но застыл, пораженный видом старика — тот пал на колени, уставившись на картину с немой, мучительной мольбой, руки его были крепко сцеплены, слезы градом катились по щекам. Сделав, разумеется, вид, будто ничего не заметил, Деннистаун тем не менее не мог не подивиться, как такая мазня произвела на человека столь глубокое впечатление. Ему, казалось, что он близок к разгадке тайны странного поведения ризничего: старик, очевидно, был одержим, вот только чем?

Часовая стрелка подползала к пяти. Короткий день угасал, церковь отходила теням, что до непонятных звуков, возникавших весь день — приглушенного топота, отдаленных голосов, — несомненно, из-за сумерек, обостряющих слух, они стали теперь как будто громче и настойчивее.

Ризничий впервые с момента встречи заспешил и выказал нетерпение. Когда блокнот и фотоаппарат были, наконец, упакованы, он облегченно вздохнул и торопливо поманил Деннистауна к западной двери под колокольной. Пришло время читать «Ангел Господень». Старик несколько раз дернул за тугий канат, и голос большого колокола Бертрана, подхваченный гулом горных потоков, разнесся с высоты башни по сосновому бору и ниже, по долинам, призывая жителей одиноких холмов вспомнить и произнести приветствие ангела той, которую нарек он Благодатной. С ударом колокола, казалось, впервые за целый день, селение охватила тишина, и Деннистаун с ризничим покинули церковь.

Выйдя за порог, они разговорились.

— Кажется, месье заинтересовался старыми книгами в ризнице?

— Вы правы. Я как раз собирался узнать у Вас, нет ли в городке библиотеки.

— Нет, месье. Может, и была при совете каноников, да городишка-то маленький... — старик замолчал, словно в неуверенности, а затем, будто бы набравшись духу, продолжил. — Но если месье *amateur des vieux livres*,^[1] у меня дома есть для него кое-что любопытное. Здесь и километра не будет.

Сокровенные мечты Деннистауна отыскать в нехоженных уголках Франции бесценные манускрипты тут же обрели яркость, чтобы мгновение спустя вновь померкнуть. Наверняка это будет дурацкий молитвенник типографии Плантена,^[2] года так 1580. Где гарантии, что место в непосредственной близости от Тулузы давно уже не обшарено коллекционерами? Однако не пойти просто глупо — откажись он сейчас, попрекал бы себя до конца дней. Итак, они пустились в путь. Деннистауну не давали покоя странная неуверенность и внезапная решимость ризничего, он стал стыдливо опасаться, что его, как богатого англичанина, хотят завести в укромный уголок для расправы. Из этих соображений он затеял новую беседу, в которой весьма неуклюже намекнул провожатому на двух верных друзей, чей приезд ожидался следующим утром. К его удивлению, новость была воспринята с восторгом, тревога, тяготившая ризничего, как будто немного отступила.

— Хорошо, — сказал он бодро, — прекрасно. Месье будет путешествовать в компании друзей, они всегда будут рядом. Хорошо путешествовать в компании...иногда.

Последнее слово было добавлено после раздумий и, по всей видимости, заставило несчастного старичка опять приуныть.

Вскоре они добрались каменного до дома, размерами значительно превосходившего все соседние. Над входом помещался герб — герб Альберика де Мольона, по утверждению Деннистауна, побочного потомка епископа Иоанна де Мольона. Этот Альберик являлся с 1680 по 1701 год каноником Комменжа. Верхние окна особняка были заколочены, в целом же от дома, как и от всего Комменжа, веяло постепенным увяданием.

Приблизившись к двери, ризничий на секунду остановился.

— Может быть, у месье вовсе нет времени?

— Что Вы, у меня достаточно времени и мне совершенно нечем заняться до завтра. Давайте посмотрим, что у Вас есть.

В ту же минуту дверь отворилась, и в проеме показалось лицо, куда более молодое, чем лицо ризничего, отмеченное, однако, тем же беспокойством, только не за собственную безопасность, а скорее за благополучие ближнего. Принадлежало оно, очевидно, дочери ризничего, и если бы не упомянутое мною выражение, девушку можно было бы счесть красивой. Увидев, что отца сопровождает крепкий незнакомец, она просветлела. Отец и дочь обменялись несколькими фразами, из которых Деннистаун уловил лишь следующую: «Он смеялся в церкви.» На эти слова девушка ответила лишь взглядом, исполненным ужаса.

Чуть погодя все они оказались в гостиной, небольшой комнате с высоким потолком и каменным полом. В очаге потрескивали поленья, по стенам плясали тени. Высокое, почти до самого потолка, распятие придавало помещению некое сходство с часовней. Фигура Христа была выкрашена в телесный цвет, крест был черным. Под распятием помещался старый солидный сундук, и когда лампа была принесена, а стулья расставлены, ризничий подошел к нему и с нарастающим волнением и нервозностью извлек, как показалось Деннистауну, массивную книгу, завернутую в белую ткань с грубо вышитым красным крестом. Еще до того, как ткань была удалена, Деннистаун заметил размеры и форму тома. «Слишком велик для молитвенника, — думал он, — и не похож на антифонарий. Может, все-таки что-то стоящее?» Лишь только книга показалась из-под полотна, Деннистаун почувствовал, что напал, наконец, на нечто гораздо больше, чем просто стоящее. Перед ним лежал крупный фолиант, относящийся, вероятно, к концу XVII века, с золотым гербом каноника Альберика де Мольона на обеих обложках. В книге угадывалось около ста пятидесяти страниц, и почти к каждой прикреплялся листок из заставочной рукописи. Подобного сокровища Деннистаун не чаял встретить даже в самых дерзких своих мечтах. Здесь были десять страниц из иллюстрированной копии «Бытия», предположительно, 700 года нашей эры. За ним полный комплект иллюстраций к псалтыри английской работы, лучшего качества, на какое только был способен тринадцатый век. Но ценнее всего представлялись двадцать страниц, покрытые унциальным письмом на латыни — отдельные слова сразу же подсказали англичанину, что перед ним какой-то очень ранний неизвестный доселе патриархальный трактат. Мог ли это быть фрагмент «О слове Господа нашего» Папия,^[3] который, как доподлинно известно, существовал в XII веке в Номмах?^[4] Как бы там ни было, он принял решение — книга должна была вернуться с ним в Кембридж, хотя бы для этого пришлось закрыть счет в банке и ждать доставки денег в Сен-Бертране. Он бросил взгляд на ризничего в поисках хоть какого-нибудь намека на то, что книга продается. Ризничий был смертельно бледен, губы его дрожали.

— Пролистает ли месье до конца, — вымолвил он.

И месье переворачивал страницы, обнаруживая все новые и новые сокровища, но в конце книги наткнулся на два листочка, принадлежащие, как ни удивительно, ко времени куда более позднему, чем все, что он видел до этого. Современные, решил Деннистаун, оставлены

беспринципным каноником Альбериком — чтобы создать бесценный альбом, тот, похоже, разграбил всю библиотеку совета Сен-Бертрана. На первом листке был план южного нефа и аркад церкви, начерченный весьма аккуратно и узнаваемый для любого, кто там побывал. План содержал занятные знаки, похожие на планетарные символы, несколько слов на иврите в уголках, а в северо-западном углу аркады красовался нанесенный золотой краской крест. Под планом шли строки на латыни:

«Responsa 12^{mi} Dec. 1694. Interrogatum est: Inveniamne? Responsum est: Invenies.

Fiamne dives? Fies. Vivamne invidendus? Vives. Moriarne in lecto meo? Ita.»

(Ответы от 12 декабря 1694 года. Был задан вопрос: Найду ли я его? Ответ: Найдешь.

Буду ли я богат? Будешь. Будут ли мне завидовать? Будут. Умру ли я в своей постели? Умрешь.)

— Отличный образец записки кладоискателя, напоминает ту, что оставил господин младший каноник Куотермейн о старом Соборе Святого Павла, — прокомментировал Деннистаун, переворачивая страницу.

То, что открылось его взору, поразило его, как он часто мне говорил, куда сильнее, чем он мог того ожидать от любого рисунка. И хотя найденный им рисунок навеки утрачен, я располагаю его фотографией, которая как ничто другое подтверждает правдивость этих слов. Выполненное сепией в конце XVII века, изображение представляло собой, на первый взгляд, библейскую сцену, поскольку архитектура (перед нами представал интерьер) и персонажи были написаны в классической традиции, подобающей, по мнению художников тех лет, для иллюстраций к Библии. Справа, на троне, к которому вели двенадцать ступенек, в окружении солдат восседал под пологом правитель — бесспорно, царь Соломон. Он подался вперед и вытянул руку со скипетром, точно повелевая, лицо его выражало ужас и отвращение, и все же в его облике чувствовались властность и спокойная мощь. Левая часть рисунка была, однако же, престранной. Именно она вызывала живейший интерес. У подножия трона четверо солдат обступали сгорбленную фигуру, о которой нельзя не рассказать подробнее. Рядом лежал пятый солдат, с вывернутой шеей и глазами, вылезавшими из орбит. Взгляды четверых стражей были обращены к царю. Лица их исказились от страха, казалось, только безграничное доверие правителю удерживает их от немедленного бегства. И причиной тому, без сомнения, было то самое согбенное создание. Никаких слов не хватит, чтобы передать те ощущения, что вызывает один лишь взгляд на него. Помню, как однажды я показал фотографию рисунка знакомому морфологу, человеку, скажу я вам, до неприличия трезвомыслящему и прагматичному. Весь вечер после этого он наотрез отказывался оставаться один, а позже признался мне, что еще много ночей не осмеливался, засыпая, тушить свет. И все же я постараюсь дать хотя бы общее представление об этом существе. Поначалу видна была лишь масса грубых, спутанных черных волос, если присмотреться, под ними угадывалось ужасающе тощее, похожее на скелет тело с тугими, как канаты, мышцами. Ладони существа были смуглыми, лапы покрывали все те же жесткие черные волоски, пальцы оканчивались безобразными когтями. Пламенные глаза с черными, как ночь, зрачками пристально смотрели на царя взглядом, исполненным зверской ярости. Вообразите себе кошмарного южноамериканского паука-птицееда, обращенного в человека и наделенного почти человеческим разумом — и вот перед вами бледная тень той богопротивной твари. Все, кому я показывал изображение, в один голос заявляли: «Нарисовано с натуры.»

Как только первый приступ необоримого испуга был подавлен, Деннистаун взглянул на хозяев. Ризничий закрыл лицо руками, его дочь, обратясь к кресту на стене, истово молилась.

Наконец был задан вопрос:

— Эта книга продается?

И вновь минутное сомнение, и вновь внезапная решимость, какие уже выказывал ризничий ранее. Ответ прозвучал, словно музыка:

— Если месье угодно.

— Сколько Вы просите?

— Достаточно двухсот пятидесяти франков.

Деннистаун был сбит с толку. Даже сердца коллекционеров черствеют не до конца, а его сердце оставалось куда мягче коллекционерского.

— Дорогой вы мой, — раз за разом твердил он, — Ваша книга гораздо дороже двухсот пятидесяти франков, гораздо дороже.

И каждый раз он получал неизменный ответ:

— Двести пятьдесят франков, больше не возьму.

Устоять перед таким предложением не представлялось возможным. Деньги были уплачены, расписка выдана, сделка скреплена стаканчиком вина, а ризничий будто преобразился. Словно не бывало ни сутулости, ни подозрительных взглядов за спину, он даже смеялся, или пытался смеяться. Деннистаун собрался уходить.

— Позволит ли месье проводить его до гостиницы? — осведомился ризничий.

— Нет-нет, спасибо! Здесь рукой подать. Я прекрасно помню дорогу, и луна светит ярко.

Предложение повторялось трижды или четырежды, и всякий раз было встречено отказом.

— Тогда пусть месье крикнет мне, если...если понадобится. Лучше держаться середины дороги, обочины такие неровные.

— Конечно, конечно, — сказал Деннистаун, сторя от нетерпения самостоятельно рассмотреть добычу. Держа книгу под мышкой, он вышел в коридор.

Здесь его ждала дочь. У этого новоявленного Гиезия,^[5] похоже, имелись собственные планы на иностранца, с которым так великодушно обошелся отец.

— Серебряной распятие и цепочка на шею — будет ли месье столь добр, чтобы принять их?

Особенного проку от этих предметов Деннистаун не видел. Чего же хотела девушка взамен?

— Ничего, совсем ничего. Месье окажет честь, приняв подарок.

Искренность, с которой это, а также многое другое было сказано, не оставляла сомнений, так что Деннистаун выразил глубокую признательность и позволил надеть цепочку себе на шею. Его не покидало впечатление, что он оказал этой семье некую совершенно неоплатную услугу. Они стояли у дверей и смотрели, как он удалялся, и все еще ждали у порога, когда он помахал им на прощание рукой с крыльца «Красной шапочки».

После ужина Деннистаун заперся в своей комнате наедине с приобретением. Стоило ему рассказать о своем визите к ризничему и покупке старой книги, как хозяйка гостиницы стала проявлять к нему особенный интерес. Кроме того, ему показалось, что он слышал, как она и незабвенный ризничий торопливо шептались в коридоре за дверью *salle a manger*,^[6] а в конце диалога послышалось что-то вроде: «Пьеру и Бертрану лучше ночевать в доме».

С этого времени внутри него стала нарастать тревога — возможно, нервная реакция после радости от неожиданного открытия. Что бы это ни было, оно вылилось в навязчивое убеждение, что позади кто-то есть, и, повернувшись спиной к стене, он почувствовал себя куда комфортнее. Все это, конечно, выглядело чепухой в сравнении с полученным им бесценным собранием. И вот он один в спальне, купается в сокровищах каноника Альберика, и с каждой минутой власть фолианта над ним все сильнее и сильнее.

— Господь, благослови каноника! — по старой привычке Деннистаун заговорил сам с собой. — Где-то он сейчас? Бог ты мой! Хозяйке надо научиться смеяться повеселее, а то такое ощущение, словно в доме покойник. Еще полтрубочки, говорите? Пожалуй, пожалуй. Что это за

распятие мне всучили? Прошлого века, полагаю. Да, наверное. Такое тяжелое — как будто камень повесили на шею. Ее отец, похоже, носил его не один год. Может быть, почистить его перед тем, как убрать?

Он уже снял цепочку и положил ее на стол, когда его внимание привлекло нечто, возникшее на красной обшивке у его левого локтя. Две или три догадки о том, что это могло быть, мелькнули в его голове с удивительной быстротой.

«Перочистка? Нет, ее здесь нет. Крыса? Нет, слишком черная. Крупный паук? Не приведи Господь...нет. Боже милостивый! Лапа, как на рисунке!

В следующее мгновение он понял все. Смугловатая кожа, обтягивающая кости и ужасающей силы мышцы, грубые черные волоски, длиннее, чем на человеческой кисти, когти-крюки, венчающие пальцы — серые, острые, ороговевшие.

Он вырвался из кресла, сердце заходило от смертельного, непреодолимого страха. Опираясь левой лапой на стол, тварь медленно поднималась из-за спинки кресла и уже простерла правую лапу над его головой. С плеч свисали черные лохмотья, жесткая шерсть покрывала, как на рисунке, все тело. Нижняя челюсть была небольшой и — вот верное слово — узкой, как звериная, за черными губами виднелись зубы, нос отсутствовал, а пламенные глаза с черными змеиными зрачками, исполненные ненависти и жажды уничтожить все, в чем теплилась жизнь, были самой кошмарной частью зрелища. И они светились разумом — превыше животного, но ниже человеческого.

От увиденного Деннистаун испытал леденящий душу страх и глубочайшее презрение. Что он сделал? Что он мог сделать? Он не мог позже вспомнить произнесенные им слова, но твердо знал, что что-то говорил, что слепо вцепился в серебряное распятие, видел, как бес надвигается на него, слышал собственный крик — вопль животного, вызванный непереносимой болью.

Примчавшиеся тотчас невысокие крепьши Пьер и Бертран не видели ничего, но почувствовали удар, когда убегающее нечто пронеслось между ними. Деннистаун лежал в обмороке. Они просидели подле него всю ночь, а к девяти часам утра прибыли его друзья. Сам он, хотя все еще потрясенный, к тому времени практически пришел в себя. К его рассказу друзья отнеслись с доверием, особенно после того, как увидели рисунок и переговорили с ризничим.

Еще до зари старичок под выдуманном предлогом явился в гостиницу и с неподдельным интересом выслушал хозяйку. Он ничуть не удивился происшедшему.

— Это он, он! Я сам его видел, — вот и весь его ответ, на расспросы же он отвечал заготовленным: „Deux fois je l'ai vu; mille fois je l'ai senti“.^[7] Ни о происхождении книги, ни о подробностях тех встреч он и словом не обмолвился. „Вскоре я усну, и сон мой будет сладок. Зачем вы терзаете меня?“ — закончил он.^[8]

Мы никогда не узнаем, через что пришлось пройти ему или канонику Альберику де Мольону. На обороте рокового рисунка обнаружили строки, которые могли бы пролить свет на минувшие события:

„Contradictio Salomonis cum demonio nocturno.

Albericus de Mauleone delineavit.

V. Deus in adiutorium. Ps. Qui habitat.

Sancte Bertrande, demoniorum effugator, intercede pro me miserrimo.

Primum uidi nocte 12^{mi} Dec. 1694: uidebo mox ultimum.

Peccaui et passus sum, plura adhuc passurus. Dec. 29, 1701^[9]

Никогда не понимал до конца отношения Деннистауна к описанным выше событиям. Как-то раз он прочел мне отрывок из Экклезиаста: „Есть духи, лишь для мести сотворенные, и в

ярости своей лишь боль несут“. В другой раз он сказал: „Исайя был очень разумным человеком. Не повествует ли он о ночных чудовищах в руинах Вавилона? А что мы теперь о них знаем?“

Поразил меня и другой его вывод, с которым я полностью согласен. В прошлом году мы отправились в Комменж на могилу каноника Альберика. Нас ожидало внушительное мраморное сооружение с изображением каноника в пышном парике и сутане и с затейливым панегириком под ликом. Я заметил, что Деннистаун некоторое время беседовал с викарием церкви Святого Бертрана, а на обратном пути он обратился ко мне: „Надеюсь, в этом нет ничего плохого...ты ведь знаешь, я пресвитерианин, мы против месс, но я...я думаю, предстоит еще отслужить молебен за упокой души Альберика де Мольона“. Помолчав немного, он добавил с легким северо-британским акцентом: „Не думал я, что заупокойная месса может значить так много“.

* * *

Книга эта теперь в Собрании Вентворта в Кембридже. Рисунок был сфотографирован, а после сожжен Деннистауном в день, когда он после первого своего визита покинул Комменж.

notes

Любитель старых книг (фр.) — прим. пер.

Плантен Кристоф (1514–1589) — нидерландский издатель и типограф. — прим. пер.

Папий (70-145 гг.) — епископ Иераполя, любивший собирать все, что относится к истории Нового Завета и жизнеописанию Иисуса Христа. — прим. пер.

Теперь нам уже известно, что найденные страницы были изрядной частью этой работы, если не полной ее версией. — прим. авт.

Гиезий (IV Цар. IV, 12) — слуга пророка Елисея. Получив от Неемана обманом два таланта серебра и две перемены одежды за исцеление Неемана пр. Елисеем от проказы, Гиезий сам был наказан за корыстолюбие проказой и удалением от пророка (IV Цар. V, 20–27). После того мы видим Гиезия при дворе царя Иорама повествующим ему о чудесах пророка Елисея (IV Цар. VIII, 5, 6). — прим. пер.

Трапезная (фр.) — прим. пер.

Дважды я его видел и тысячу раз чувствовал (фр.) — прим. пер.

Тем же летом он скончался. Дочь его вышла замуж и переехала в Сен-Папуль. Она никогда не понимала обстоятельств отцовского помешательства. — прим. авт.

Противостояние Соломона и демона ночи. Работа Альберика де Мольона. Стих. Избави меня, Господи. Псалом. Заступник мой еси и Прибежище мое (90). Святой Бертран, гонитель демонов, молись за меня, грешного. Впервые увидел его ночью 12 декабря 1694 года, вскоре увижу его в последний раз. Я грешен и за то страдаю, и еще предстоит мне страдать. 29 декабря 1701 года (лат.).

"Gallia Christiana" в качестве даты кончины каноника приводит 31 декабря 1701 года. Тот умер "в постели, от внезапного приступа". Детали такого рода редко встречаются в великом труде Сен-Мартов (французская поэтическая династия). — прим. авт.